

Л.И Солнцева

**Мои тридцать лет в Институте де-
фектологии**
(к 100-летию Института коррекционной педагогики РАО)

1960 год был годом, когда я начала работать в Научно – исследовательском институте дефектологии АПН РСФСР. Директором был А.И. Дьячков, видный высокий мужчина с великолепной седой шевелюрой. Он обязательно беседовал со всеми поступающими в институт, даже если сотрудник приходил на временную работу, как было со мной.

Меня пригласил в свою лабораторию психологии глухих И.М. Соловьев, с которым я была уже знаком, т.к. он работал ранее на кафедре психологии у Н.Ф. Добрынина, на время декретного отпуска старшего научного сотрудника Т.В. Розановой. Я сразу почувствовала себя в институте комфортно, тем более, что встретила там многих знакомых психологов, учившихся со мной в Университете. А. Р. Лурия, работавший в институте, привел с собой группу бывших его студентов, ставших ведущими и творческими работниками в области психологии – В. И. Лубовский, А.И. Мещеряков, Ю.А. Кулагин, Т.В. Розанова, Н.П. Парамонова, Н.Н. Зислина, А.Г. Зикеев, Л.И. Тигранова, Е.Н. Марциовская, позднее пришла Л.П. Григорьева и многие другие. Работала там и А.П. Гозова.

С Марией Ивановной Земцовой я познакомилась в первый день своей работы, именно она провела меня от трамвайной остановки у клуба завода «Каучук» до института. По Плющихе тогда ходил трамвай, и мы часто ездили с ней вместе. Поскольку часть нашего пути в институт совпадала, мы стали часто встречаться или в вагоне трамвая или по пути, на Погодинке. Мария Ивановна в это время занималась проблемой расширения исследований в области слабовидения и искала сотрудников для своего сектора обучения и воспитания слепых и слабовидящих детей. Даже в трамвае она рассказывала мне о проблемах тифлопедагогики и тифлопсихологии, приглашала на заседания сектора. Я помню прием работ тифлотехнической лаборатории в конце 1960 года, на котором выступали М.А. Вербук, Р.С. Муратов, Мощенников с сообщениями о разработке читающей машины для слепых. Это очень меня заинтересовало и оставило сильное впечатление.

Подходил к концу срок моей временной работы, я искала себе новое место. Мария Ивановна пригласила меня в свой сектор. Я с радостью согласилась, так как работать в институте мне было интересно. Поэтому я отказалась от предложенного места работы в лаборатории Занкова.

Мария Ивановна Земцова была очень неординарным и нестандартным человеком с широкими биологическими, физиологическими и тифлопедагогическими знаниями. У неё был свой круг учёных, с которыми она тесно общалась и делилась успехами. В первую очередь это офтальмологи из института Гельмгольца, психоневролог Владимир Михайлович Коган, специалист в области психологии труда Геллерштейн и др.

Мария Ивановна была тесно связана со школами слепых и слабовидящих, знала и поддерживала лучших учителей, как в Москве, так и в других городах страны. Это давало ей возможность увидеть наиболее трудные проблемы школ, она видела увеличивающийся процент сложных сочетанных со слепотой дефектов, снижение тотальной слепоты по сравнению с военными годами, изменение этиологии зрительного дефекта. В связи с этим она старалась расширить состав своей лаборатории за счет специалистов, занимающихся изучением умственной отсталости, приглашением в лабораторию врачей – офтальмологов. Так, в секторе слепоты и слабовидения стали работать А.Н. Гнеушева, В.И. Белецкая, А.И. Каплан и др. Среди специалистов по умственной отсталости слепых и слабовидящих в лаборатории была Нина Борисовна Лурье, а по общей психологии – я.

Так началась моя работа в новом для меня направлении психологии – тифлопсихологии. Проблема, которой я начала заниматься – дошкольная психология. Но её нужно было начинать с организации детских дошкольных учебных заведений для слепых. Мы видели, что слепые дети приходят в школу из семей неподготовленными к обучению. Вместе с Марией Ивановной мы провели изучение первоклассников не-

скольких школ для слепых детей: Верхне – Пышминской, Свердловской школы для слабовидящих, Пермской, Московской, Болшевской и др.

Результатом этого обследования явились две статьи в сборнике «Специальная школа», где я стала редактором раздела тифлопедагогики. Изучение детей – первоклассников показало большое разнообразие обучающихся в школе: по остроте зрения, этиологии слепоты, по уровню социальной зрелости и подготовленности к школе. Это подтвердило необходимость обстоятельной дошкольной подготовки слепых детей, а также дифференцированного подхода к их обучению внутри каждого класса.

В Советском Союзе в то время существовало лишь одно единственное учебное учреждение для слепых дошкольников – детский дом в городе Уфе. Совместно с Обществом слепых и его председателем Борисом Владимировичем Зиминым, было решено организовать одногруппную дошкольную группу при московской школе слепых. Первыми воспитателями в ней стали Раиса Львовна Зиминая и я. Вместе с ней мы ездили в уфимский детский дом для знакомства с работой его воспитателей. Этот детский дом существовал со времен Отечественной войны, директор Фариха Исламовна Гумерова работала там с его основания. Нужно сказать, что это была удивительная женщина, преданная делу и проводившая в детском доме целые дни. Всю свою любовь она отдавала слепым детям, воспитавшимся в её детском доме. В нём работали опытные воспитатели со стажем 15 – 20 лет. Вместе с ними мы выпустили первую книжку «Воспитание и обучение слепого дошкольника». Фариха Исламовна стала очень близким мне человеком, вместе с ней мы добились постройки нового здания для нового дома, его оборудования. Когда я бывала в Уфе, она не разрешала мне останавливаться в гостинице, я жила у нее. Она приезжала ко мне в Москву и на дачу, и мы многие годы сотрудничали с ней в обобщении опыта работы со слепыми дошкольниками.

Работая воспитателем в дошкольной группе, я написала первую программу и методические указания для работы со слепыми дошколь-

никами. Началось скрупулёзное изучение особенностей развития слепых детей дошкольного возраста. Это сразу же поставило и проблему раннего семейного воспитания детей с недостатками зрения. Мы активно начали изучать детей раннего возраста, консультировать их родителей. Началось накопление материала для методических разработок по воспитанию слепых детей в семье, по проблеме компенсации слепоты в раннем и дошкольном возрасте.

В Институте дефектологии и в секторе обучения и воспитания слепых большое внимание уделялось связи со школами. Мы часто выезжали в командировки в школы для сбора экспериментального материала, для оказания методической помощи и для подготовки докладов учителей и воспитателей к Всесоюзным педагогическим чтениям, которые проводились систематически. Первые Педагогические чтения, на которых я присутствовала, были в Москве. На них съехались директора, учителя и воспитатели из многих школ СССР. Творчество и изобретательность учителей, представлявших свои разработки, впечатляли. Учитель географии Харьковской школы слепых Геллерштейн привез сделанную им и руками учащихся электрифицированную карту Советского Союза, учитель труда из Пермской школы Ошев – наглядные пособия по математике, учителя из Каунасской школы – прекрасные пособия по биологии, вышитые своими руками. Московские учителя показывали оборудованные кабинеты, с созданными ими дидактическими материалами. Педагогические чтения создавали прекрасные условия для распространения передового педагогического опыта с его находками в методике, в создании специфических наглядных пособий, которых, к сожалению, тогда выпускалось очень мало и государством и Обществом слепых.

Вместе с Юрием Александровичем Кулагиным мы отобрали лучшие доклады, отредактировали и опубликовали их в отдельной книге. Педагогические чтения проводились нами не только в Москве, но и в других городах. Я думаю, что всем запомнились Педагогические чтения, проходившие в школе слепых Верхней Пышмы, Свердловской области,

только что отстроенной по специальному проекту, который консультировала Мария Ивановна Земцова. Школа была нова не только своими стенами, но и педагогическим коллективом – в ней начала свою работу целая группа педагогов, окончивших тифлоотделение педагогического института им. А.И. Герцена, в Ленинграде. Среди них – А. Г. Литвак, тогда завуч школы, С.А. Мартиросян – заместитель директора по воспитанию. С.А. Мартиросян, в дальнейшем директор этой школы, сделал школу интересной и показательной. Используя идеи и разработки научных сотрудников Института дефектологии, а также Свердловской тифлотехнической лаборатории НИИД, С.А. Мартиросян создал в школе базу трудовой подготовки слепых по металлу и деревообработке, по сборке электроарматуры. Руководил ими и работал учителем В. Ермолаев, который вместе с Р.С. Муратовым создали специальные лупы для токарных станков, линейки, угольники и другие приспособления, обеспечивающие безопасность работы слепых и слабовидящих с деревом и металлом. Учитель школы А.А. Казаков создал макет астрономического кабинета школы, М.А. Вербук и В.М. Воронин оснастили кабинет математики первыми отечественными калькуляторами, подготовили первую группу слепых программистов из учащихся этой школы. Научный сотрудник лаборатории Л.А. Семенов создал целый ряд специальных тренажёров для использования на уроках физического воспитания слепых. Один класс был оснащен замкнутой телевизионной системой, позволяющей более эффективно работать со слабовидящими и частичновидящими детьми. Впервые на этих Педагогических чтениях были показаны коррекционные занятия, проведенные для всех присутствующих В. Кузнецовой.

Знакомство с работой школ в разных регионах позволяло выявить талантливых учителей, обобщать и распространять их опыт.

Лаборатория постоянно оказывала методическую помощь учителям и воспитателям школ для слепых и слабовидящих. Все сотрудники выезжали на курсы в союзные республики. Время этих командировок

использовалось не только на помощь учителям, но и для встреч с местным руководством Министерств образования для того, чтобы помочь школам получить новое более комфортабельное помещение, новое оборудование, технику, автобусы и т.д. Такая работа проводилась во время моих командировок в поселок Ладва (Карелия), Уфе (Башкирия), в новой школе г. Бельцы (Молдова), в Самарканде (Узбекистан).

Поселок Ладва, расположенный недалеко от Петрозаводска, по существу являлся тем местом, где были сосредоточены школы – интернаты для детей с физическими и умственными нарушениями. Я приехала туда поздней осенью, но река, луга, и, природа были полны очарования. Желтели берёзки, освещённые ярким солнцем, холодной синевой блестела в реке вода. Интернат - школа для слепых расположилась в нескольких одно- и двухэтажных деревянных зданиях с печным отоплением и туалетом на улице. В школе было чисто, уютно, коллектив учителей дружный, горящий желанием работать. Я прожила там несколько дней и вместе с завучем или директором посещала и анализировала уроки. В первую очередь меня интересовали дети начальных классов, их подготовленность и возможности в усвоении программ. Над их обновлением и модификацией с учетом особенностей восприятия детьми информации, мы работали в то время вместе с передовыми учителями. Педагоги начальных классов в школе были виртуозы, за урок они успевали не только дать детям новый материал, но и закрепить его, используя разнообразные методические приёмы и дидактический материал, ими самими сделанные наглядные пособия, индивидуальные карточки и т.д. Конечно, необходимо было ставить вопрос о постройке новой школы. Вместе с директором школы Ниной Ивановной мы отправились в Министерство образования Карело – Финской республики в г. Петрозаводск, где были согласованы вопросы о переводе школы в Петрозаводск, о постройке нового здания, о создании условий для трудовой и профессиональной подготовки детей и их трудоустройстве после окончания школы. Я не была в Петрозаводской школе, но знаю, что она сейчас яв-

ляется одной из очень хороших школ для слепых и слабовидящих детей. Очень важно, что основа прекрасно сработавшегося педагогического коллектива Ладвинской школы сохранилась, сохранились и традиции творчества учителей в подготовке и использовании своих дидактических материалов.

Это же я увидела в Пермской школе. Методические разработки преподавателей начальных классов по математике, по труду этой школы были представлены на Педагогических чтениях и напечатаны в сборнике «Специальная школа».

Курсы, которые мы проводили в школах, проходили в очень напряженной работе, так как приходилось читать лекции по очень широкой тематике, связанной не только с психологическими проблемами, но и с обучением и воспитанием. На курсы, как правило, мы выезжали по одному или по два человека, в связи с чем, приходилось читать лекции по пять – шесть часов подряд. Я старалась показать учителям также и зарубежный опыт, с которым активно знакомилась лично из литературы, а также из бесед, с приезжавшими в Институт тифлопедагогами – учеными, социальными работниками, представителями обществ слепых разных стран.

Институт дефектологии практиковал также создание комплексных бригад для участия в таких курсах. Тогда они предусматривали не только чтение лекций, но и изучение и анализ проблем трудных детей, как правило, имеющих сложный дефект, консультирование их родителей, рекомендации по правильному направлению в учебно – воспитательные учреждения. Я принимала участие в работе таких бригад как психолог. Такой была незабываемая поездка в Киргизию, в г. Фрунзе. В составе бригады были М.И. Кузьмицкая (олигофренопедагог), Н.А. Чевелева (логопед), А.И. Каплан (офтальмолог), А.П. Гозова (сурдопсихолог), М.С. Певзнер (психоневролог), я и другие – всего 9 человек. Интересной эта поездка была еще и потому, что мы имели возможность познакомиться не только с учителями и учащимися школ, но и культурой и бы-

том страны, её великолепной природой, жемчужиной Киргизии – озером Иссык – Куль.

Среди сотрудников Института дефектологии было много психологов, поэтому мы все участвовали во Всесоюзных съездах психологов. Готовились к этим съездам очень основательно. Доклады и тезисы просматривались ведущими специалистами Института. Так, например, на Всесоюзный съезд психологов в Киеве коллектив дефектологов возглавляла Рахиль Марковна Боскис, и она работала с каждым докладчиком, прочитывая не только тезисы, но и доклады. Для этой плеяды ученых (Т.А. Власова, Р.М. Боскис, Н.Г. Морозова, Ж.И. Шиф, Р.Е. Левина, И.М. Соловьев, Ф.Ф. Рау, С.А. Зыков и другие) было характерно умение увидеть у молодёжи стремление к науке, выделить в конкретных работах то новое, что всегда несёт с собой молодёжь, поддержать, дать почувствовать, что ты его коллега. Я помню, что после общения по поводу доклада с Рахиль Марковной Боскис, была счастливой и окрыленной.

Участие в съездах всегда было праздником, и пребывание на съезде в Киеве также оставило у меня впечатление радостного праздника, потому, что мы встречались со своими коллегами со всего Союза и потому, что каждый съезд был открытием для себя чего – то нового, показывающего перспективу дальнейшей работы. Но в этот радостный тон от встречи с близкими знакомыми и друзьями вкрался и неприятный момент, связанный с проявлением украинского шовинизма. Я помню, что мы все были шокированы тем, что открытие Всесоюзного съезда психологов и доклад на нем председатель общества психологов Украины Костюк провел на украинском языке без перевода. Мы все понимали, что съезд проходит в Киеве, но это был съезд Всесоюзный, а не украинский.

Сотрудники Института дефектологии принимали участие во Всесоюзном съезде психологов в Ленинграде (1965 год). На заседании, посвящённом специальной психологии, впервые прозвучали доклады об опыте по подготовке и обучению слепоглухонемых студентов, вызвав-

ший большой интерес всей психологической общественности. Съезд проходил в июне, в период белых ночей, поэтому днем мы заседали, а по ночам бродили по Ленинграду, смотрели, как над Невой разводят мосты, и весь Ленинград светился, отраженным, каким – то нереальным светом, создавая видение чудесной сказки.

Весь сектор обучения и воспитания слепых и слабовидящих работал в те годы над проблемой изучения состава школ слепых, их характеристикой, как медиками – офтальмологами и невропатологами, так и психологами и педагогами. М. И. Земцова вместе с А. И. Каплан и М. С. Певзнер разработали анкету, которая был разослана во все школы. Была получена уникальная информация о детской слепоте и слабовидении в 60 – е годы. Результатом этой работы стала книга «Дети с глубокими нарушениями зрения». Глава, посвящённая развитию познавательной деятельности дошкольников, была написана мной. Эта книга получила первую премию Академии педагогических наук СССР.

Эти годы были временем активизации международной деятельности Института дефектологии. Ученые США, Англии, Германии, Японии проявляли к дефектологическим исследованиям, проводящимся в нашей стране, большой интерес.

В 1966 году в Лондоне состоялся Международный конгресс дефектологов, организованный Английской ассоциацией учителей и воспитателей школ для детей с нарушением развития. На неё была приглашена большая группа дефектологов нашего Института, в том числе и я. Возглавлял делегацию директор Института А. И. Дьячков. Мы вылетели в Лондон по путевкам так называемого научного туризма. Для меня было интересным посещение Королевского института слепоты в Лондоне, знакомство с научными сотрудниками из разных стран, занимающихся изучением слепоты. Школа – интернат для слепых детей в Лондоне значительно отличалась от наших школ комфортабельностью и благоустройством. Однако встречи и беседы с работниками школы показали отличие программ обучения от наших. И в этой поездке, и при посеще-

нии иностранцами наших школ и Института английские специалисты поражались тому, что слепые дети в наших школах получают по объему знаний такое же образование, как и нормально видящие дети. Программа школ слепых Запада исключали многие разделы естествознания, физики, химии, зато большое внимание уделялось адаптации слепого в обществе, воспитанию навыков самообслуживания, свободы общения и передвижения.

Научные доклады нашей делегации были опубликованы в книге «What is Special Education», London, 1966. В этой книге как раз и отразились различия в подготовке аномальных детей у нас в стране и на Западе.

1966 год был годом проведения в Москве XVIII Международного конгресса по психологии. Наш Институт активно участвовал в его проведении. На конгрессе была отдельная секция по специальной психологии, которую возглавляла Татьяна Александровна Власова, ставшая в то время заместителем директора Института дефектологии по науке. Она сыграла в моей жизни огромную роль. И я счастлива, что работала вместе и рядом с ней многие годы. Татьяна Александровна создала специальную редакционную комиссию, в которую входила и я, по подготовке тезисов и докладов наших и зарубежных специалистов – были отредактированы и изданы два сборника работ на русском и на английском языках.

А. И. Дьячков и Т.А. Власова много сил прилагали для того, чтобы создать свой специализированный журнал, и поскольку решение этого вопроса откладывалось и затягивалось, то в качестве периодического издания использовался сборник «Специальная школа», главным редактором которого был А. И. Дьячков. Сборник выходил 6 раз в году. В состав редакционной коллегии входили Н.Ф. Слезина, Т. Н. Головина, А.П. Гозова, Т.В. Розанова и я. По очереди мы были выпускающими, но редактировали материалы каждый по своей специальности. В сборнике публиковались как научные статьи, так и разработки учителей, статьи о

конференциях, научных сессиях, педагогических чтениях. Я всегда удивлялась А. И. Дьячкову, его умению разглядеть наши огрехи, даже при быстром просмотривании подготовленного сборника. Сборник пользовался большим спросом у учителей специальных школ. Мы тоже очень дорожили им, так как имели возможность публиковать в нём свои научные разработки.

Этот период в моей научной биографии связан с исследованием познавательной сферы слепых дошкольников; осязательного восприятия окружающих их предметов, развития мышления, процессов сравнения; но весь опыт работы с ними показывал необходимость внимательного анализа особенностей их деятельности как практической, так и игровой, так как именно руководство деятельностью, создание её мотивации позволяло осуществлять более быстрое продвижение детей в развитии. Так, появились работы об игре слепого дошкольника, о наглядно – практической деятельности, о труде самообслуживания и т.д. В 1967 году я вступила в члены КПСС, рекомендацию мне дала М. И. Земцова.

1971- 1972 годы были годами подготовки к празднованию 50 – летия образования СССР. Предстояла объединенная Научная сессия по дефектологии и Всесоюзные педагогические чтения. Это означало для нас большую работу по отбору лучших учителей из разных республик для выступлений на сессии. Мне, В.П. Ермакову и Н. Б. Лурье досталась Средняя Азия, а именно – Узбекистан, Таджикистан и Туркмения. Был разработан маршрут: Ташкент – Наманган – Самарканд – Бухара – Душанбе – Гиссар – Ашхабад. В этих городах находились школы для слепых и слабовидящих детей.

Это была одна из интереснейших командировок, которые были у меня за весь период работы в Институте. Сначала скажу, что мы побывали во всех этих школах и увидели прекрасных учителей, преданных своему делу, но и увидели прекрасных учителей, преданных своему делу, но и увидели также трудное положение отдельных школ, что тяжестью легло на наши души.

Ташкентская школа сверкала чистотой, порядком и поразила нас отсутствием детей: дети были отпущены домой, за исключением небольшой отдельно живущей дошкольной группы, как нам объяснили, из-за наличия в районе заболеваний. Увидеть работу учителей здесь нам не удалось, зато директор школы Рашидов – родной брат секретаря Компартии Узбекистана – похвалился успеваемостью за третью четверть. Все учились только на четверки и пятерки! Мы, конечно, посомневались про себя, а проверить не могли. Выступив перед учителями и воспитателями, мы уехали, так и не выполнив задание.

Следующей остановкой был Наманган, хотя школа была не в самом городе, а в его окрестностях – в поселке Касанай. Нас сопровождал начальник областного отдела образования. Основное его занятие состояло в том, чтобы нас кормить и отвлекать от знакомства со школой и учебным процессом. Мы приехали в школу, когда там был банный день, и все девочки сидели на улице, расчёсывали и заплетали многочисленные косички. Директор усадил нас за стол. Мы повиновались, зная невозможность отказаться от восточного гостеприимства, но всё – таки, наконец, начались посещения уроков. Я пошла на урок математики во второй класс. Занятия велись на узбекском языке, но у меня рядом был переводчик. Я порадовалась тому, как прошел урок. Учитель успел проверить домашние задания, дать новый материал, закрепить его и поупражняться в устном счете. Учитель был маленького роста, удивительно подвижный, активный, и заставляющий детей включаться в занятия. Я видела счастливые личики детей, когда он их хвалил за правильный ответ. Я видела радость детей от общения со своим учителем.

Вся школа состояла из нескольких деревянных построек, и, хотя школа была для слепых и слабовидящих детей, оборудования и освещенности в классах не хватало. Много держалось на энтузиазме учителей. Слепые дети вообще занимались в классе, где не было окон, и комната освещалась лишь одной маленькой голой лампочкой у потолка. Безусловно, что, кроме создания условий для обучения детей, необхо-

дима была работа с учителями, вооружение их необходимыми знаниями – методиками работы со слепыми и слабовидящими. Директор школы – хороший хозяйственник, но слабый методист. Мы пригласили его и завуча школы на курсы повышения квалификации и на Юбилейную сессию с тем, чтобы они познакомились со спецификой оборудования школ слепых и слабовидящих, их кабинетов, так как рядом уже строилось новое помещение для их школы. На Сессии и в Московских школах они могли бы познакомиться с творчеством учителей из разных регионов страны.

Следующий шок ждал нас в Самарканде – там была школа для слепых. В грязных захламлённых комнатах за партами сидели дети с колтунами на голове, слепой учитель спрашивал урок с ученика. Преподавание было чисто словесное. Никаких наглядных пособий в школе не было. Учебников узбекском языке было мало. В дошкольной группе такая же картина. Из 17 учителей школы – 14 были totally слепыми. Секретарей у них также не было. Запущенность, антисанитарное состояние школы и двора, где находились туалеты, к которым нельзя было подойти, показали нам, что ни о каком посещении и анализе уроков не может быть и речи. Основное наше занятие состояло в переговорах с работниками Городского отдела народного образования о предоставлении школе нового помещения, об обновлении коллектива учителей и воспитателей, о включении в штатный состав зрячих учителей, о повышении их квалификации.

В городе и республике существовало представление, что слепыми должны заниматься только слепые. Мы напомнили о Постановлении ВОС, в котором не рекомендовалось в дошкольных группах и начальных классах использовать незрячих учителей и воспитателей, поскольку они не могут эффективно вести коррекционную работу. К счастью для школы, в распоряжении города оказалось вновь построенное стандартное школьное здание, в которое и была переведена школа слепых в течение месяца.

Как много зависит от директора школы, мы увидели, когда приехали в школу для слабовидящих в г. Бухаре. Молодая энергичная женщина была хорошей хозяйкой, организатором коллектива, но самое главное – человеком, интересующимся наукой, внедрением её в работу своих учителей. Впервые в Средней Азии мы увидели коррекционные занятия, проводившиеся квалифицированными тифлопедагогами, имеющими специальное образование. Прекрасно было организовано трудовое обучение – чеканка по металлу с использованием трафаретов, рукоделие, сельское хозяйство (в основном садоводство, пчеловодство) и др.

В Таджикистане мы познакомились со школой в г. Гиссаре. Здесь также остро вставала проблема использования слепых учителей, оснащённости школы техническими средствами. С учебниками было легче, т.к. обучение велось на русском языке, и учебники покупались в Москве.

Здесь мы встретились с серьёзной проблемой этиологии слепоты. Многие дети страдали врождёнными её формами, среди которых было много наследованной. Это связано с родственными браками, из – за трудностей оплатить калым. Если в Узбекистане было меньше заметно влияние многовековых традиций, то здесь это проявлялось очень ярко в положении женщин, которые ходили в чадре и парандже. Школе самой приходилось заботиться о контингенте, т.к. во многих деревнях родители прятали своих слепых детей от инспекторов, т.к. считали, что по закону шариата они не должны отдавать своего слепого ребенка в интернат, а держать его в семье, поскольку он послан им в наказание за грехи предков. Поэтому перед началом учебного года учителя отправлялись в районы разыскивать скрываемых детей. В связи с этим в начальных классах мы обнаруживаем значительное количество переростков. Их по достижении 18 лет направляют в школы взрослых слепых.

В Гиссарской школе велась большая работа по профилактике и лечению глазных заболеваний. Там был организован кабинет по развитию нарушенного зрения, какого не было ни при одной школе и детском саде.

В шестидесятые и семидесятые года мною собирался и подготавливался материал по проблемам компенсации слепоты в раннем и дошкольном возрасте. М. И. Земцова, А. И. Зотов, А. Г. Литвак уже разрабатывали теорию компенсации, однако, проблема решалась либо в теоретическом плане, либо в рамках взрослых слепых или старших школьников. Их исследователи показали, что процесс компенсации не является простой заменой использования нарушенной сенсорной системы другой, способной её заменить, а представляет собой сложную систему взаимосвязей, в которой решающую роль играют высшие познавательные процессы – мышление, речь.

Меня интересовал процесс компенсации слепоты в раннем и дошкольном возрасте, когда эти процессы находятся на ранних ступенях формирования. За счет чего же происходит компенсации в этом возрасте? Я усиленно занималась изучением теории деятельности, ведущих её видов в разных возрастах – общение, предметная, игровая, продуктивная, учебная, трудовая. Анализировалась мотивация деятельности, результативность. Особое место занимали вопросы социальной обусловленности развития компенсаторных механизмов, создание благоприятных условий воспитания и обучения. Этим проблемам посвящены мои работы, опубликованные в сборниках научных трудов в 1974, 1975, 1976, 1977 годах. И, наконец, появились мои первые статьи по компенсации слепоты в раннем и дошкольном возрасте.

Развитие связей с зарубежными странами расширялись, и в Институте был организован сектор, занимающийся связями с союзными республиками и зарубежьем. Тесный контакт был с ГДР, в которой выходил специальный журнал «Die Sonderschule», в нем часто публиковались статьи сотрудников нашего Института. Для нас это был важный канал освещения проблем отечественной дефектологии для Европы, т.к. русским языком дефектологи других стран владели редко, а здесь имелась возможность прочитать наши исследования в прекрасном квалифицированном переводе на немецкий.

М.И. Земцова и я принимали активное участие в работе международных симпозиумах, организуемых Всероссийским Обществом слепых, выступали с докладами, участвовали в дискуссиях. У нас была очень тесная связь с Всероссийским Обществом слепых.

В 1974 г. Министерство образования ГДР организовало Международную конференцию по изучению, обучению и воспитанию аномальных детей. Большую делегацию от нашей страны возглавлял Ю. А. Кулагин. Это была очень тёплая встреча и близкое знакомство с тифлистами из ГДР, обмен литературой, знакомство с учреждениями. После этой конференции установилась дружеская переписка. Доктор Fromm работал тогда над докторской диссертацией, в которой он опирался на разработанную М. И. Земцовой систему обучения слепых чтению рельефного рисунка. Впоследствии он прислал нам свою диссертацию для рецензии. И, поскольку я владела немецким языком, я и писала рецензию. К сожалению, после объединения двух Германий, мы не знаем, случилось с ним и другими нашими друзьями, с которыми мы щедро делились своим опытом.

1974 год был урожайным на поездки. В августе в Бразилии состоялась сессия Генеральной Ассамблеи Всемирного Совета благосостояния слепых, членом которого в то время было Всероссийское Общество слепых. В состав делегации входили: руководитель ВОС Б. В. Зимин, председатель Общества слепых Узбекистана К. П. Примкулов, председатель Общества слепых Украины В. М. Акимушкин, начальник информационного отдела Министерства социального обеспечения России С.П. Лукьяненко, переводчица с английского Л. Б. Цесарская и я. V сессия генеральной Ассамблеи Всемирного Совета по благосостоянию слепых проходила в Сан-Пауло. Эта сессия была интересна с нескольких позиций. Во-первых, она была очень представительная, в ее работе участвовало более 300 человек из 40 стран мира. Во – вторых, в её программу входили доклады, связанные не только с организационными вопросами, но и профессиональными, освещающими теорию и практику работы со

слепыми детьми и взрослыми. Среди участников с докладами выступали такие всемирно известные ученые как М. Тобин (Англия), Н. Баррага (США), Д. Холстворт (Австралия), М. Тарицо (ВОЗ) и др. (ход профессиональных сессий и проблем, затронутых при обсуждении, освещён в журнале «Дефектология». – 1975. - № 1).

Для меня была интересна подготовка к выборам президента ВСБС. Реальных кандидатов было три – Б.В. Зимин (СССР), Дорина Новиль (Бразилия) и Роберт Барнетт (США). В кулуарах велась большая работа с представителями стран по агитации за своих кандидатов. Кандидатуры обсуждались со всех сторон. Так, доктор Ф. Зоннтаг (ФРГ) поддерживал Б.Г. Зимины, поскольку видел в нём своего союзника в дискуссии со Всемирной организацией слепых по проблемам, связанным и с необходимостью участия в союзах слепых – зрячих ученых – организаторов, помогающих слепым в их интеграции в общество зрячих. Г. Паркер (Англия) выступал против засилия в общественных организациях слепых американцев, показывал достижения и успехи ВОС в организации труда, быта и отдыха слепых. Капитан Х.Д.М. Дезай (Индия) поддерживал Б.В. Зимины, указывая на помощь в организации и оснащении учебно – производственных предприятий. Представители Пакистана, которые получали помощь со стороны и Америки, и Советского Союза, вообще не пришли на голосование. Очень осторожно вели себя японцы, не выявляя свою позицию. Авторитет Б. В. Зимины и Общества слепых России был очень велик. Многие из присутствующих посещали Союз и знали его работу. Шведы были заинтересованы сохранить за собой статус секретаря ВСБС, а французы – Париж, как место работы исполкома. В результате сложных вычислений своих выгод делегаты проголосовали за избрание Президентом ВСБС Б. В. Зимины. Было принято также предложение о введении русского языка в качестве официального языка организации.

Конечно, мы старались, насколько это было возможным, знакомиться с жизнью страны, хотя нам это было достаточно трудно, т.к. язык

страны – португальский, его не знал никто из нашей делегации, хотя члены делегации владели французским, немецким, английским и фарси. Это позволяло нам свободно общаться на Генеральной Ассамблее, но мало помогало в городе. Однако организаторы Ассамблеи познакомили нас с достопримечательностями страны, их обычаями. Очень интересно был нам показан праздник карнавала в миниатюре. Студенты и сотрудники сельскохозяйственного колледжа устроили для нас костюмированное шествие с показом национальных танцев, ритмов, национальных костюмов. После окончания всем слепым разрешалось потрогать костюмы, прически, осязательно познакомиться с артистами. Радость всех участников в празднестве надолго сохранится в нашей памяти. Возвращаясь в гостиницу, мы молчали, переполненные удивительными впечатлениями, а потом вспоминали события из своей жизни, вызвавшие в нас такие же сильные чувства.

Б.В. Зимин много раз удивлял нас не имеющей границ любознательностью, стремлением узнать побольше о народе и стране, где мы находились. Мы становились его глазами и описывали великолепие природы, своеобразие архитектуры, её разнообразие, парковое искусство, новые современные дома с балконами и решётками, улицы с широкими тротуарами для пешеходов, выложенные разноцветными плитами. Он удивил нас ещё раз, сказав: «Едем в Рио – де - Жанейро. Как же так, быть в Бразилии и не видеть Рио – де Жанейро!» В ближайшую субботу ночью мы отправились туда на автобусе, т.к. это был самый дешёвый вид транспорта. Целое воскресенье мы провели в городе: бродили по улицам, грели ноги в мельчайшем песке на пляже Копа – Кабана, взбирались на вершину горы к статуе Христа, любовались красотой линий заливов, голубизной океана, слушали шум Атлантики с её вечным прибоем. В понедельник утром мы опять были на заседаниях. Мы покидали Бразилию, полные впечатлений и радостного удовольствия от того, что смогли достойно представить нашу страну.

В отечественной тифлопедагогике начиналось новое направление обучения и воспитания. И, если ранее мы занимались познавательной сферой слепого и слабовидящего ребенка, развитием его интеллекта, подготовкой в школе к поступлению в ВУЗ, оснащением уроков и занятий техникой, помогающей детям овладеть тем же объемом знаний, что и в массовой школе, то во второй половине семидесятых годов появились новые проблемы.

Изучение контингента ШВТС (Школа восстановления трудоспособности) в Бирске, проведенное нашим сотрудником Г.А. Буткиной, показало, что в школе находится значительное количество детей, не подготовленных к самостоятельной жизни. Моё выступление на Всесоюзной конференции в Бресте было посвящено проблемам воспитания, социализации и интеграции слепых в жизнь. Оно вызвало отклик у учителей и в Министерстве. Мы подготовили целый ряд статей и работ, сборников по воспитанию. Началась работа по организации специальных коррекционных занятий, способствующих коррекции недостатков в развитии, связанных со слепотой. М. И. Земцова активно работала совместно с Горьковским пединститутом по физическому воспитанию слепых и слабовидящих. Совместно с Б.В. Сермеевым были подготовлены и защищены ряд диссертаций, началось создание новых программ по физическому воспитанию.

В 1976 году я снова была в ГДР, но теперь мы ехали вдвоём с Н. И. Куличевой, заведующей отделом культуры ВОС. Мы представляли нашу страну на конференции проблемам работы с семьёй и родителями слепых детей, по вопросам их консультирования. Мы с Ноной Илларионовной выступали с докладами на конференции и на радио. Наши доклады пользовались вниманием. Все доклады были опубликованы на немецком и английском языках. Решением этой конференции я вошла в редакцию двух книг для родителей, которые были изданы на четырёх языках: немецком, русском, английском и французском. («Наш слепой

ребенок» и «Игра слепого ребенка»). В этих двух книгах напечатаны несколько моих небольших статей.

Эта конференция запомнилась также прекрасной поездкой по стране, организованной Обществом слепых ГДР. Мы побывали в Лейпциге, Дрездене, Карл – Маркс – Штадте, где познакомились, где познакомились не только с учреждениями для слепых, библиотекой и издательством, но и с памятниками культуры в этих городах.

В конце 1976 года мною была сдана годовая работа «О компенсации слепоты в дошкольном возрасте». Т. А. Власова, в 1968 году возглавившая Институт дефектологии, уже не РСФСР, а СССР (т.к. Академия педагогических наук, куда входил наш Институт, стала общесоюзной), была человеком, который знал и следил за творческим развитием своих сослуживцев. Она читала все годовые работы сотрудников Института. Прочитав мою работу, она сказала, что с этим исследованием нужно выходить на докторскую диссертацию, т.к. в нем раскрываются новые подходы к компенсации слепоты. Нужно сказать, что семидесятые в жизни нашего Института были годами расцвета теоретической мысли, Т. А. Власова создала и расширила базу психологических исследований всех категорий аномальных детей. Были созданы специальные лаборатории (кроме имевшихся психологии глухих, психологии умственно отсталых, психофизиологической): лаборатория тифлопсихологии и лаборатория психологии детей с задержкой психического развития. Развертывалась работа по психологии аутизма.

Тифлопсихологическую лабораторию возглавил Юрий Александрович Кулагин, бывший в это время заместителем директора Института по научной работе. В ее состав вошли В. А. Лони́на и А. К. Каплан. Началось более углублённое изучение тифлопсихологических проблем памяти, мышления, цветового восприятия на основе остаточного зрения. Появились обоснования проблемы развития остаточного зрения у слепых и нарушенного зрения у слабовидящих. С 1972 года в Институте существовали уже две специальные лаборатории – лаборатория по обу-

чению и воспитанию слепых, заведующей, которой стала я, и лаборатория по обучению и воспитанию слабовидящих – заведующая М. И. Земцова. Развёртывалась работа по изучению и психолого – педагогической коррекции детей дошкольного возраста с амблиопией и косоглазием (М. И. Земцова, Л. А. Григорян, Л.И. Плаксина).

Семидесятые годы были годами расцвета специальной психологии в нашем Институте. Докторские диссертации по специальной психологии защитили Т. А. Власова, Ю. А. Кулагин, В. И. Лубовский, В. Г. Петрова, А. П. Гозова, Л. П. Григорьева, Т. В. Розанова, А. И. Каплан, Л. И. Тигранова, ВА. А. Венгер, Л. И. Солнцева. Для подготовки диссертации мне был дан шестимесячный отпуск, за который я снова и снова переосмысливала и перерабатывала собранные материалы. К концу 1977 года диссертация была представлена к обсуждению. Но прежде я решила показать её Ж. И. Шиф и В. М. Когану. С трепетом в душе я ждала их приговора. Я с большой благодарностью вспоминаю их оценки, замечания и советы, которые мне пригодились при оформлении монографии. В июне 1978 года диссертация была защищена.

Совместно с Т.А. Власовой мы решили организовать группу по изучению, развитию и использованию остаточного зрения, в которую входили Л.П. Григорьева, два новых сотрудника С. И. Кондратьева и С. В. Сташевский, специально приглашённых для разработки этой темы, и я. Началась работа по организации в Московской школе слепых кабинета по развитию остаточного зрения, к которой были привлечены учителя начальных классов, принимавшие участие в разработках этой проблемы ещё с А. И. Каплан. Создалась прекрасная научно – практическая команда по разработке физиологических, психологических и педагогических методик развития остаточного зрения у слепых.

В восьмидесятые годы лаборатория занималась в основном проблемами коррекции зрительной недостаточности, использования остаточного зрения, ориентацией в пространстве и физическим воспитанием. Вместе с Л.А.Семёновым была написана книга о психолого – педагоги-

ческих основах обучения детей ориентировке и мобильности в пространстве. В ней впервые появился раздел «Ориентация слепых детей раннего возраста».

Одним из важных направлений 80 – 90 годов стали исследования по использованию слепыми своего остаточного зрения в процессе обучения. Очень остро была поставлена проблема учебников для школ слепых, особенно для детей младшего школьного возраста. Под моей редакцией и с моим участием сотрудниками лаборатории было подготовлено обширное монографическое исследование, так и не изданное, по использованию остаточного зрения детьми на уроках в начальных классах школы слепых, где чётко показывалась необходимость создания учебников, адресованных не только осязанию, но и зрению, к ахроматическому, так и цветному, поскольку результативность работы детей с цветными иллюстрациями давала им значительно больше материала для психического развития и для успешного усвоения и запоминания учебного материала. Об этом я написала статьи в журнале «Наша жизнь»; «Мысли вслух» и «Исполнение откладывается».

Девяностые годы – это годы работы над коррекционно – воспитательными проблемами, как в плане теоретическом, так и в плане методическом. Всем составом лаборатории были подготовлены два сборника статей: о коррекционной работе на общеобразовательных уроках и на занятиях по коррекции. Написаны методические разработки по физическому воспитанию слепых в младших классах (совместно с Л.А. Семеновым) и ряд других статей по этой проблематике.

Изменения социальной жизни в стране потребовали пересмотра проблем тифлопедагогике и тифлопсихологии в соответствии с требованиями жизни. Вставал вопрос об изменении стратегии воспитания и обучения, направленности формирования иных черт личности и сторон развития психического развития слепых. Эти проблемы были рассмотрены в статьях «Современных проблемы тифлопедагогике и тифлопси-

хологии» и «Необходимые перемены. Новые формы работы школ для детей с нарушением зрения».

Разрабатывались стандарты образования в школах для детей с нарушением зрения, критерии их развития, показывалась необходимость психологической службы в школах с нарушением зрения, интеграция слепых и слабовидящих в массовые школы, их психологическая адаптация.

Я уже много лет не работаю в Институте, но он остается моим вторым домом, очень много значащим в моей жизни. Творческий дух института, его сотрудников передается молодому поколению ученых, что говорит о том, что его столетие это лишь одни из этапов его дальнейшего развития и проц